

Пашковская Татьяна Григорьевна

ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕМУАРИСТКИ В ИСТОРИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ

В статье проанализирована мемуарная литература с точки зрения её использования в современном историческом исследовании. Основное внимание уделено анализу проблемы взаимовлияния исторической памяти и процесса создания мемуаров. Рассмотрены механизмы изменения исторической памяти: воспоминания, переосмысления и забвения. Сделаны выводы о высоком эвристическом потенциале воспоминаний, несмотря на их имманентную субъективность. Обосновано, что мемуары могут стать важными источниками для исследований в рамках интеллектуальной истории и истории повседневности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/7-1/31.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 7(69): в 2-х ч. Ч. 1. С. 110-112. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

RITUAL AS A SYMBOLIC FORM OF BEHAVIOUR AND A METHOD OF TRANSMISSION OF COLLECTIVE VALUES IN TRADITIONAL CULTURE OF THE KYRGYZ PEOPLE

Osmonova Nurgul Israilovna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Kyrgyz-Russian Slavic University named after B. N. Yeltsin
osmonova_ni@mail.ru

In the article a ritual being a sense-formative basis in the differentiation of the sacred and profane existence of traditional culture is analyzed as a symbolic form of behavior that transmits collective values and makes familiar with the social and sacral experience of ancestors. The author on the basis of the Kyrgyz ritual *ash* (funeral feast) as a concrete but very saturated fact of symbolic and collective behavior reveals the existential essence of the social life of the nomads.

Key words and phrases: ritual; ritual and ceremonial practice; sacred; profane; Epic “Manas”; traditional culture of the Kyrgyz people; *ash* (funeral feast).

УДК 930.2

Исторические науки и археология

В статье проанализирована мемуарная литература с точки зрения её использования в современном историческом исследовании. Основное внимание уделено анализу проблемы взаимовлияния исторической памяти и процесса создания мемуаров. Рассмотрены механизмы изменения исторической памяти: воспоминания, переосмысления и забвения. Сделаны выводы о высоком эвристическом потенциале воспоминаний, несмотря на их имманентную субъективность. Обосновано, что мемуары могут стать важными источниками для исследований в рамках интеллектуальной истории и истории повседневности.

Ключевые слова и фразы: мемуары; исторический источник; историческое исследование; воспоминания; методология истории.

Пашковская Татьяна Григорьевна, к. филос. н.

Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова
czaczulia@inbox.ru

ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕМУАРИСТКИ В ИСТОРИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ

Воспоминания занимают особое место в источниковой базе историка; несмотря на высокую степень субъективности, они не лишены гносеологического потенциала. Помимо очевидного «оживления» и уточнения исторического текста, они несут в себе целый пласт информации, связанной с историей духовной жизни: восприятий, переживаний, оценок и эмоций, вызванных определенными историческими событиями.

В отечественном источниковедении имманентная субъективность мемуарной литературы долгое время рассматривалась как её существенный недостаток (Е. В. Тарле, П. А. Зайончковский), а ценность мемуаров определялась исключительно их фактографичностью и новизной сведений. Данный подход во многом соответствовал стандартам эпохи позитивизма, с её стремлением уподобить гуманитарное знание естествознанию, очистив его от авторской оценки.

Осознание культурно-исторической природы самой рациональности положило начало новому этапу в методологии. Было признано, что предпосылочное знание – источник исследовательских оценок, играет важную регулятивную роль, выполняя фактически функцию «компас» в мире социальных ценностей, это, в свою очередь, актуализировало источники личного происхождения в рамках социальной истории и исторической антропологии. Следовательно, пресловутая субъективность стала восприниматься, как возможность рассмотреть значительно больше вопросов, чем это отражено в выраженной информации (В. С. Голубцов, А. Г. Тартаковский, С. С. Минц, М. Ф. Румянцева).

После длительных дискуссий сформировалось два научных подхода к мемуаристке: конкретно-исторический и историко-типологический. Представители первой точки зрения считали, что мемуары интересны лишь как носитель ретроспективной фактографической информации, как средство расширения и иллюстрации сведений, почерпнутых из других источников. К началу 1980-х гг. утвердился историко-типологический подход, сторонники которого извлекали не только ретроспективную (выраженную), но и синхронную (косвенную) информацию, характеризовавшую и самого автора, и окружавшую его обстановку [1, с. 12]. Другими словами, мемуары интересны как источник о «нецелевой», для автора, информации, фоновых сведениях. Именно такая имманентная информация, которая специально не осмыслялась и не отбиралась, представляет перво-степенный интерес для исследователя.

Из вышесказанного следует, что признание эвристического потенциала мемуаристки уже состоялось, при этом вопрос о корректном использовании и возможностях этого специфического источника остается актуальным. Итак, рассмотрим аспекты, заслуживающие внимания при работе с мемуарами в рамках исторического исследования.

Онтологической основой мемуарной литературы является субъективная по своей природе, избирательная человеческая память, которая, в данном контексте, предстает в качестве сырья истории [5, р. 41], как

первичный и живой источник, на основе которого историк реконструирует историческую реальность. В связи с этим, следует остановиться на особенностях функционирования и манифестации исторической памяти.

Фундаментальные для создания мемуаров процессы – запоминание, сохранение и воспоминание – происходят под влиянием личности субъекта, то есть активизируются тогда, когда тот или иной аспект прошлого находит отклик у человека. По сути, имеет место сложный механизм, состоящий из двух этапов. Первый – это сравнение того, что было, и того, что стало. Второй – оценка произошедших изменений, которая, как правило, совершается под действием индивидуального опыта и социальных стереотипов. Это делает историческую память всегда актуальной и подверженной изменениям [3].

Таким образом, являясь социальным феноменом, историческая память постоянно пересматривает и переосмысливает образы прошлого, тем самым актуализируя и модифицируя своё содержание. Обратный процесс также имеет место: не переработанная в образы информация подвержена забвению, в результате чего утрачивается возможность её воспроизведения и узнавания. Следовательно, мемуарная литература представляет собой результат переосмысления исторической реальности в условиях нового исторического контекста.

Тот факт, что написание мемуаров это всегда преломление одной эпохи через систему ценностей и целеполагание другой, приводит нас к первому методологическому выводу о первостепенной важности исследования самой эпохи создания мемуаров. Ведь именно социально-исторический контекст периода написания мемуаров играет детерминирующую роль, отсеивая полезную на текущий момент информацию. Кроме того, это расширяет эвристический потенциал воспоминаний как источников, так как в итоге историческая реальность предстаёт перед нами не только в красках своего времени, но и эпохи будущего: исследователь видит и руководствуется тем, что стало актуальным для общественного сознания спустя несколько лет или десятилетий. Таким образом, мемуарная литература превращается в важное свидетельство обновления социальных ценностей и изменения исторической памяти.

Второй важный аспект, актуализирующий работу с мемуарной литературой, – это социальная обусловленность исторической памяти. Другими словами, автор мемуаров проявляет себя не только как вспоминающий свое прошлое индивид, но и, прежде всего, как носитель коллективной памяти. Индивидуальный опыт «очень фрагментарен, поэтому уникален и охватывает относительно непродолжительный период исторического времени» [2, с. 245], поэтому основу исторической памяти образует окружающее человека информационное пространство, оно и формирует тот «жизненный мир», который в последствие автор пытается «оживить» в мемуарах. Однако для историка важно, что именно эта «фоновая информация», которая имманентна по отношению к любому тексту, часто отражается в неотрефлексированном виде. Сообщая о важных для себя событиях, автор передает их в тех уникальных тонах и красках, в которых они существовали. В итоге именно этот исторический контекст (например, «жизненный мир» мемуаристов определенной эпохи) может и должен оказаться в центре исследовательского интереса.

Третьим существенным для научного исследования обстоятельством является неизбежная ограниченность исторической памяти социальными рамками. Процесс воспоминания при написании мемуаров детерминируется текущим моментом. Возникающие образы часто не совпадают с тем, как историческая реальность была зафиксирована изначально. Вследствие этого неизбежна корректировка, своего рода, «подгонка» воспоминаний в угодную потребностям современности. Наиболее полно этот процесс охарактеризовал французский социолог М. Хальбвакс. Он утверждал, что вспоминающий индивид мыслит в рамках, заданных его социальной группой, куда и помещаются вспоминаемые им факты. Былые социальные рамки зачастую не совместимы с нынешними социальными принуждениями, поэтому, – пишет Хальбвакс, – «здесь существенная лишь одна рамка – та, которую образуют предписания теперешнего общества и которая с необходимостью исключает все остальные» [4, с. 148]. Иначе говоря, мы реконструируем свои воспоминания под давлением социума. Более того, «общество обязывает людей время от времени не просто мысленно воспроизводить прежние события своей жизни, но также и ретушировать их, подчищать и дополнять, с тем, чтобы мы, оставаясь убежденными в точности своих воспоминаний, приписывали им обаяние, каким не обладала реальность» [Там же, с. 151]. Из этого следует, что изучение мемуаров позволяет проиллюстрировать смену социальных стереотипов, идеологий и общественных настроений на примере сознания всего лишь одного индивида.

Эвристическая ценность мемуарной литературы возрастает пропорционально контрасту между описываемой исторической реальностью и действительностью автора. Так, мемуарист, вспоминающий события не только из другой эпохи, но и находящийся в условиях другого общественного строя, отмечает намного больше контрастов и достойных упоминания моментов.

Таким образом, работа с мемуарами невозможна без изучения механизмов формирования и изменения исторической памяти. Важно определить место и роль информационных каналов, детерминирующих формирование исторических образов и превращающих историческую память в «слоистую структуру» [2, с. 250], в которой в зависимости от близости исторического прошлого выделяется уровень реальной и мифической истории. Степень мифологизации описываемых событий нарастает по мере удаления их во времени, и воспоминания бессознательно подменяются оценками, появившимися немного позднее. Следует также учитывать, что в процессе закрепления исторических образов в памяти важен социальный заказ, который видоизменяет изначальные впечатления. В некотором смысле он играет роль направляющего, организующего и управляющего центра.

Однако именно благодаря своей субъективности мемуары представляют интерес для целого ряда исследователей. В связи с тем, что мемуары отражают коммуникационную и информационную среду автора, они необходимы историкам, работающим в рамках социальной и интеллектуальной истории. Кроме того, они содержат уникальный для истории повседневности материал, необходимый для исследований ежедневных жизненных практик прошлых эпох.

Список литературы

1. **Блуднова Е. Ю.** Мемуары Н. П. Игнатъева как исторический источник: дисс. ... к.и.н. М., 2007. 216 с.
2. **Мазур Л. Н.** Образ прошлого: формирование исторической памяти // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2013. № 3 (117). С. 243-256.
3. **Репина Л. П.** Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. 560 с.
4. **Хальбвакс М.** Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
5. **Oelofse M.** Applying Principles of Historical Critique: Authentic Oral History? // International Conference on Social Science and Humanities. Singapore: IACSIT Press, 2011. Vol. 2. P. 41-44.

HEURISTIC POTENTIAL OF MEMOIRS IN HISTORICAL RESEARCH

Pashkovskaya Tat'yana Grigor'evna, Ph. D. in Philosophy
Nosov Magnitogorsk State Technical University
czaczulia@inbox.ru

The article analyzes memoirs literature in terms of its use in contemporary historical research. The focus is on the analysis of the problem of the interference of historical memory and the process of creating memoirs. The paper considers the mechanisms of historical memory change: memories, reflections and oblivion. The author makes conclusions about the high heuristic potential of memories despite their immanent subjectivity. It is proved that memoirs can become an important source for research in the framework of intellectual history and the history of everyday life.

Key words and phrases: memoirs; historical source; historical research; reminiscences; methodology of history.

УДК 115.4

Философские науки

*В статье рассматривается вопрос о роли музыки в формировании перцептивных, когнитивных, этических коннотаций и дискурсов для онтологических, социокультурных ориентиров человека. Представлена методология коммуникативного взаимодействия. Проанализированы подходы к музыке как знаковой структуре и тексту. Описаны темпоральные характеристики времени как *musica corporis* социальной реальности. Осуществлен концептуальный анализ музыки в контексте времени. Обозначены темпоральные парадигмы в музыке.*

Ключевые слова и фразы: время; музыка; дискурс; темпоральность; перцепция; когнитивность; этическое; длительность; становление; хронотоп.

Петниова Марина Александровна, к. филос. н.
Самарский государственный технический университет
shloss@yandex.ru

**МУЗЫКАЛЬНЫЕ ФИГУРЫ ВРЕМЕНИ
КАК ДИСКУРСИВНЫЕ ФОРМЫ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ**

Время как фундаментальное свойство бытия природы, общества, человека является условием и возможностью любых форм опыта. В процессе различных взаимодействий с миром человек выстраивает для себя определенные дискурсивные модели, в которых укладывается смысл, контекст, целеполагание. За последние сто лет и в западной, и в российской философии были описаны разные ментальные структуры, позволяющие оформить и упорядочить онтологические представления человека в концептах: картина мира, стиль мышления, нормы рациональности, парадигма (Т. Куна), эпистема (М. Фуко) и др. В рамках постструктуралистского подхода понятие дискурс описывает некие матрицы, интенции эпохи, в которых складывались образы и значения, контексты и смыслы. Для исследования музыки продуктивно работают подходы, описывающие ее темпоральные парадигмы на протяжении всей истории культуры. Фигуры времени, выточенные музыкальной стихией звука, ритма, музыкальными формами, являют собой стилистические решения и выражают этические коннотации духа эпохи.

Музыкальное мышление, на наш взгляд, не обладая вербальными (словесными) формами, имеет очевидные не только перцептивные, но фигуративные основания для концептуализации и дискурсивности объектов действительности. Музыка, запечатленная в тексте как *musica corporis* своего времени являет собой свидетельством и след процесса жизненного мира человека, по которому история отбирает и составляет каталог, словари его интонационных переживаний и дум.

Лингвистический поворот первой трети XX века, выразившийся в методологии коммуникативных взаимодействий, направляет исследовательское внимание к рассмотрению мира как текста и знаковой структуры. В данном смысле музыку и искусство в целом правомерно рассматривать как текст, противостоящий энтропийным процессам природы. В конструктивистском плане язык является не столько отражением действительности, сколько создателем новой реальности. В последующем процедурно-практическом значении текст, воплощаясь в структурах физической реальности, является сигналом для актуализирующего его сознания [10, с. 10].